

— Хех, что это значит, князь-регент? — с низким гневом произнёс Лун Уян, глядя на Чу Е, но с самого начала Чу Е даже не удостоил его взглядом! Это чуть не довело Лун Уяна до кровотечения.

Человек на троне из чёрной яшмы, услышав это, холодно усмехнулся, но ничего не сказал. Он взял изящную закуску со стола и начал кормить Шэнь Нина, сидящего у него на коленях. В этот момент его лицо мгновенно смягчилось.

Лун Уян, которого полностью проигнорировали, был так зол, что его грудь сильно поднималась, а дыхание стало неровным.

Он заступился за Сун Ляня, а Чу Е публично унизил его, сказав, что раз он попросил, то будет преследовать Сун Ляня. Что это за поведение?

Теперь же, перед всеми чиновниками, Чу Е так его игнорирует, а он — наследный принц царства Ци! Будущий император Ци!

Когда Лун Уян уже не мог сдерживать свой гнев, голос Лун Ао разорвал странную атмосферу в зале.

— Это всего лишь мелочь, князь-регент, зачем так сердиться?

Как только он закончил говорить, евнух Фэн, стоявший рядом с Лун Ао, вышел вперёд и приказал Императорской гвардии вытащить бледного Сун Ляня.

Чу Е молчал, не обращая на это внимания, продолжая кормить Шэнь Нина.

Лун Ао, видя, что Чу Е не возражает, решил, что тот согласен с его решением, и скрыто бросил взгляд на Лун Уяна.

Лун Уян с трудом подавил ярость, кипящую в его сердце, закрыл глаза и успокоил дыхание.

Лун Ао, увидев это, улыбнулся и сказал:

— Сегодня должен быть радостный день, не стоит портить настроение из-за таких мелочей. Я недавно получил в подарок танцовщиц из далёких земель, их движения изящны, давайте вместе насладимся их танцем.

Как только Лун Ао закончил говорить, у входа в зал появился Лун Цзиннянь с каплями пота на лбу и слегка запыхавшийся.

— Отец, я опоздал, прошу прощения.

Хотя Лун Цзиннянь выглядел запыхавшимся, его слова были плавными и спокойными, его голос был ясным и мелодичным.

Его лицо, нежное, как яшма, и стройная фигура, одетая в белоснежные одежды, в свете луны у входа в зал, казались неземными, словно бессмертный спустился с небес. Один взгляд на него мог погрузить любого в очарование этой чистой красоты.

Появление Лун Цзинняня мгновенно привлекло внимание всех присутствующих. Шэнь Юаньци, сидящий в конце зала, увидев Лун Цзинняня, вдруг покраснел.

Он незаметно опустил голову, прикрыв рот и нос полукрытой рукой.

Одежда, которую носил Лун Цзиннянь... это была та, которую он подарил.

Лун Цзиннянь выглядел в ней так прекрасно.

Потрогав своё горящее лицо, Шэнь Юаньци быстро покачал головой, но странное чувство, возникшее в его сердце, он не мог подавить. Это ощущение было слишком необъяснимым, и он не понимал, что это было.

— На таком празднике, как этот, третий брат так опоздал. Что, ты очень занят?

Лун Уян, кипящий от злости, естественно, выбрал Лун Цзинняня в качестве объекта для выплёска эмоций.

Лун Цзиннянь сохранял спокойствие. Занят? Он был просто праздным князем, чем он мог быть занят?

Он пришёл во дворец рано утром, но евнух, который вёл его, постоянно сворачивал в разные стороны. Он подумал, что путь долгий, и не придал этому значения. В конце концов евнух оставил его в одном месте и больше не вернулся.

После того инцидента в детстве его отправили жить в резиденцию за пределами дворца, и за эти годы он бывал во дворце лишь несколько раз. План дворца он уже смутно помнил.

Кто мог поручить этому евнуху вести его всё дальше в глушь? Он прекрасно знал.

Время приближалось к началу праздника, и он мог только выбрать направление и идти. По пути он торопился, но, к счастью, встретил служанку из холодного дворца, которая указала ему дорогу на праздник.

Лун Цзиннянь опустил глаза и мягко сказал:

— По пути произошла задержка, потому я опоздал, прошу прощения, старший брат.

Лун Ао всегда ненавидел Лун Цзинняня, и, видя это, он не собирался вмешиваться, лишь холодно смотрел на Лун Цзинняня у входа в зал.

Имея перед глазами пример Сун Ляня, чиновники не стали заступаться за Лун Цзинняня, праздного князя, который был лишь номинальной фигурой, и все смотрели на него с холодным любопытством, боясь разозлить наследного принца.

Лун Уян уже успокоился после ярости Чу Е и с усмешкой сказал:

— Что могло быть важнее праздника? Третий брат, ты должен объясниться.

Лун Цзиннянь всё ещё стоял неподвижно, глядя на Лун Уяна, который улыбался, но в его глазах не было тепла. Его тонкие губы слегка сжались, словно он не знал, как ответить.

Лун Уян явно вымещал свою злость на Лун Цзинняне, и это было очевидно для всех. Шэнь Юаньци с беспокойством смотрел на Лун Цзинняня.

В зале воцарилась тишина.

Шэнь Нин, сидя на коленях у Чу Е, был полностью закрыт его рукавом и не мог видеть, что происходит в зале, но он слышал всё.

Он ткнул пальцем в грудь Чу Е и тихо, так, чтобы слышал только он, сказал:

— Наследный принц так публично нападает на Лун Цзинняня, он не думает о репутации императорской семьи?

В зале, полном чиновников, Лун Уян мог так унижать Лун Цзинняня. Что же тогда происходило за закрытыми дверями?

Чу Е, услышав это, нахмурился и с сарказмом спросил:

— Ты так заботишься о Лун Цзинняне?

Шэнь Нин: «.....»

Чу Е, полный ревности, заставил Шэнь Нина напрячься. Что он сказал? Почему он так заботится о Лун Цзинняне?

— Старший брат, моё дело действительно важнее этого праздника, отец знает об этом, — Лун Цзиннянь поднял голову, его лицо было спокойным, а глаза, глубокие как бездонный омут, смотрели на Лун Ао на троне.

Лун Ао нахмурил брови. Что он знает? Он уже собирался отчитать Лун Цзинняня, но тот снова заговорил.

— Это дело секретно, я выполнил поручение отца и всё выяснил. — Его полуприкрытые глаза скрывали бурю, а на губах играла тонкая улыбка.

Его намеренно завели в глушь, и даже если он скажет об этом, никто не поверит. Лучше использовать то, что он случайно увидел, чтобы выбраться из этой ситуации.

Эта сцена — он был уверен, что его отец не захочет, чтобы он рассказал о ней публично.

Лун Ао сначала был равнодушен, но, подумав, всё же приказал евнуху Фэну подойти и выслушать, что хочет сказать Лун Цзиннянь.

Фэн подошёл к Лун Цзинняню, выслушал его, и его лицо мгновенно изменилось, став тяжёлым. Он вернулся к Лун Ао и передал услышанное.

Лун Уян, увидев выражение лица Фэна, заинтересовался, что же сказал Лун Цзиннянь, и его взгляд, полный злобы, упал на Лун Цзинняня.

Лун Ао, услышав переданное, мгновенно окаменел, в его глазах мелькнула ярость, но он быстро восстановил спокойствие.

— Я понял, ты хорошо справился, князь И действительно радуется за меня! — произнёс он сквозь зубы.

— Это моя обязанность, отец, — с улыбкой ответил Лун Цзиннянь, его лицо выражало отстранённость.

— Тогда садись на своё место.

— Слушаюсь.

Что же сказал Лун Цзиннянь, что заставило отца изменить выражение лица? Лун Уян подавил своё любопытство и больше не стал придирается к Лун Цзинняню.

Лун Цзиннянь подошёл к пустому месту рядом с Шэнь Юаньци и сел.

Шэнь Юаньци наклонился и тихо спросил:

— Что задержало тебя?

На таком важном празднике Лун Цзиннянь вряд ли мог опоздать намеренно. А то, что он сказал о поручении отца, и реакция императора заставили его подумать, что император тоже только что узнал об этом. Может, это было его воображение?

— Евнух намеренно завёл меня в глушь, я только что нашёл дорогу, — мягко ответил Лун Цзиннянь.

Шэнь Юаньци нахмурился:

— Это сделал наследный принц?

— Возможно.

Лун Цзиннянь посмотрел на одежду Шэнь Юаньци, и уголки его губ приподнялись, в глазах загорелась радость:

— Эта одежда, она тебе подходит?

Чёрная одежда облегла стройное тело Шэнь Юаньци, пояс с золотой окантовкой и чёрной яшмой подчёркивал его талию. Его волосы были убраны в нефритовую корону, а лицо, словно высеченное из камня, с высоким носом и мечевидными бровями под звёздными глазами, всегда излучало тепло.

Но больше всего Лун Цзинняня радовало то, что на таком важном празднике Шэнь Юаньци носил одежду, которую он подарил, одежду, которая несла его аромат.

Встретившись с горячим взглядом Лун Цзинняня, Шэнь Юаньци не смог смотреть прямо:

— Спасибо, князь, одежда очень удобна.

Он задумался на мгновение, затем добавил:

— Белый цвет очень подходит вам, он чистый. Я думаю, только белый может быть достоин вас.

Лун Цзиннянь, одетый в белое, всегда поражал его своей красотой, словно бессмертный, спустившийся с небес.